

УДК 821.161.1

**НА «БОЛЬШАКЕ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ДОСТОЕВСКИЙ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
И. С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА**

С. Ю. Николаева

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье ставится вопрос о значении литературного наследия Ф. М. Достоевского, в том числе его романов «Подросток» и «Братья Карамазовы», а также «Дневника писателя», в творческом самоопределении И. С. Соколова-Микитова, выявляются биографические и интертекстуальные связи между этими авторами. Делается вывод о влиянии философии почвенничества на мировоззрение и архитектонику художественного мира И. С. Соколова-Микитова.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, И. С. Соколов-Микитов, лирическая проза, духовный реализм, почвенничество, «русская идея», традиции, пантеизм, христианство, язычество, натурфилософия.*

Сам И. С. Соколов-Микитов считал, что с «большаком» русской классической литературы его связывают прежде всего традиции И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова: «Я <...> как последняя береза на русском забытом большаке. Не велико дерево выросло, но все же росло у русского большака» [14, с. 369]. Однако думается, что связи писателя с магистралью русской литературы были еще глубже и мощнее. Ведь далеко не всегда писательские декларации выглядят так отчетливо, как в учебнике. Иногда они имеют характер легендарный и баснословный, особенно если дошли до нас благодаря свидетельствам современников. Так, в известной статье В. Лакшина дается описание дружеской беседы А. Т. Твардовского с И. С. Соколовым-Микитовым:

«Я тут сделал маленькое открытие, как вы на него посмотрите, Иван Сергеевич? – начинал Твардовский, едва обменявшись первыми вопросами о здоровье. – Оказывается, знаменитые клейкие листочки были уже у Пушкина:

...Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

А Достоевский в Карамазовых взял это как готовую цитату. Вот в литературе как бывает... Всё связано со всем. <...> А еще бы! А еще бы! – Соколов-Микитов одобрительно хмыкает. Слова о клейких листочках вызывают у него свое воспоминание» [7, с. 724].

И действительно, в творческом «кузовке» у писателя имеется изумительное стихотворение в прозе, достойный ответ на поэтический вызов Пушкина: «Есть в русской природе особенный день, когда на березах начинает распускаться молодая листва. Выйдешь на волю и радостно ахнешь: зеленой нежной дымкой покрылись лесные опушки. Клейкой нежной листвою пахнет в березовой роще. Как хороши молодые березовые листочки! Войдя в лес, человек чувствует свежее дыхание про-

будившейся земли. Пройдет день-другой – и все березы покроются молодой густой свежей листвою» («На теплой земле»).

В мемуарах В. Лакшина говорится не только о Пушкине, но и о Достоевском, воспоминания о котором тоже имеют для Соколова-Микитова особое значение: «– Не помню, случалось ли мне вам рассказывать, благодаря чему или, вернее сказать, кому появился я на белый свет? – Нет... – А благодаря старцу Зосиме из “Братьев Карамазовых”. – Как так?! – А так, – продолжает довольный произведенным эффектом Иван Сергеевич. – Если б не Зосима (так Достоевский старца Амвросия назвал), меня бы и на свете не было».

И далее следует необыкновенная история о том, как матушка писателя, надумав выходить замуж, пошла в Оптину пустынь советоваться к старцу Амвросию. Три жениха сватались: начальник станции, молодой купчик и лесник Сергей. И хотя лесник был не слишком состоятельным человеком, тогда как два других жениха позавиднее, «Амвросий расспросил ее ласково и сказал: “Выходи, Машенька, за Сергея”. В первую минуту она изумилась, но дело было решено. “Она вышла за Сергея. У них родился мальчик. Это был я”, – объявлял с торжеством Иван Сергеевич. – Вот что значит, – заключает свой рассказ Иван Сергеевич, – и в жизни всё со всем связано. Так и я, выходит, связан с “Братьями Карамазовыми”» [Там же, с. 725].

Вот он, семейный миф: писатель Соколов-Микитов появился на свет Божий по завету старца Зосимы... Этот миф имеет важное значение: он не только раскрывает семейную историю родителей Соколова-Микитова, но прежде всего проясняет литературный генезис писателя.

Философия природы, любовное воссоздание жизни природы как проявления ее божественной сущности – эти принципы легли в основу творческой программы Соколова-Микитова, опиравшегося на традиции великого предшественника. Отношением к природному миру как миру Божьему Достоевский наделил своих старцев и странников, простых людей крестьянского сословия. В рассказе старца Зосимы, например, есть фрагменты, близкие по своей стилистике и содержательной глубине к текстам произведений Соколова-Микитова: «Ночь светлая, тихая, теплая, июльская, река широкая, пар от нее поднимается, свежит нас, слегка всплеснет рыбка, птички замолкли, все тихо, благолепно, все Богу молится. <...> Всякая-то травка, всякая-то букашка-то, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют <...>. Поведал он мне, что лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучше того, как в лесу, ничего я, говорит, не знаю <...> все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Богу, Богу славу поет» [3, с. 267]. Близкие суждения высказывают и другие герои Достоевского. В частности, Маркел, брат старца Зосимы, особенно умиляется, глядя на птиц: «Птички Божии, птички радостные, простите и вы меня, потому что и перед вами я согрешил... Была такая Божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один все бесчестил, а красы и славы не приметил вовсе» [Там же, с. 263]. Такое же чувство овладевает и странником Макаром Долгоруким в «Подростке»: «Во всем тайна Божия. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая тайна заключена. Птичка ли малая поет, али звезды все сонмом на небе блещут в ночи <...>. Красота везде неизреченная!» [5, с. 287, 290].

Литературовед М. М. Дунаев высказал мнение о том, что Соколову-Микитову не удалось «совершить подлинное раскрытие глубинных религиозных процессов, совершавшихся в недрах народной жизни» [6, с. 197], что писатель был далек

от пантеизма и христианства, «далек от религиозной постановки вопроса» о любви к родной земле, так как «переживал природу эстетически, но не религиозно», «сочувствовал язычеству» [Там же, с. 194]. М. М. Дунаев не сближает, а противопоставляет Соколова-Микитова и Достоевского, отрицает связь образа старца Зосимы с образом повествователя или лирического героя Соколова-Микитова [Там же, с. 192]. Впрочем, как справедливо пишет В. А. Редькин, в своем пространном труде этот известный литературовед-богослов «фактически отлучает от православной духовности почти всех русских классиков XIX и XX века» [12, с. 75], слишком прямолинейно истолковывает их произведения.

На самом деле почвенническая философия Достоевского, воплощенная в его произведениях, его творческая манера, несомненно, оказали влияние на Соколова-Микитова, на выбор тематики, сюжетов, на саму топику писателя. Вместе с тем его авторская позиция далека от дидактизма, учительности, назидательности, публицистической страстности, стиль этого последователя Достоевского оказался лишенным всякой чрезмерности и чрезвычайности, отмечен истинной гармонией, безупречным чувством меры в выборе красок, звуков, слов. У Соколова-Микитова абсолютный слух в области музыки русской речи.

Какова сущность художественного мира Соколова-Микитова? Это тот самый мир Божий, которым восхищаются герои Достоевского. Причем основу словесной ткани в текстах Соколова-Микитова составляют прежде всего положительные понятия, образы, концепты. Например, в цикле «На теплой земле» наиболее частотны следующие лексемы: солнце, радость, веселье, восторг, торжество, луч, свет, восход, детство, счастье, мед, медовый, медвяный, душистый, золотой, золотистый, чудесный, чистый, любоваться, радоваться, сиять, жить, оживать, приживаться, обживаться, оживлять. Нет слова «Бог», но понятие Бога и Божьего мира, безусловно, есть, а тайна Божия раскрывается перед читателем в каждом слове, в каждом описании птиц, деревьев, растений, животных, времен года.

Конечно, картина мира, созданная И. С. Соколовым-Микитовым, восходит не только к Достоевскому. Истоки ее связаны и с «Шестодневом» Василия Великого, и с поучением Владимира Мономаха, и с торжественным красноречием Кирилла Туровского («Слово на антипасху»), и с художественным миром А. П. Чехова («Свирель», «Агафья», «Святою ночью», «Леший», «Дядя Ваня»), и с романом Бунина «Жизнь Арсеньева», и многими другими произведениями русской литературы, объединенными так или иначе христианской натурфилософской проблематикой и религиозным чувством героев и авторов (об этой традиции см.: [8; 9; 10]).

Назовем еще один мотив, который указывает на тесное родство Соколова-Микитова как писателя с Достоевским. Это мотив «земля и дети» (по названию главки «Дневника писателя»). Достоевский много размышлял о разрыве между городской, буржуазной, машинной цивилизацией и землей, национальной почвой, писал об опасности утраты национальной идентичности (например, уже 150 лет назад сделал наблюдение о том, что французы этнически и ментально перестали быть французами) и пришел к выводу: «По-моему, дети, настоящие то есть дети, то есть дети людей, должны родиться на земле, а не на мостовой. Можно жить потом на мостовой, но родиться и *всходить* нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» [4, с. 81].

В записных книжках Соколова-Микитова, автора множества лирических страниц о детстве, сохранились мысли, близкие суждениям Достоевского о губительности «неволи душных городов»: «Вчера вышел по дороге на поле. остано-

вился потрясенный. <...> И вновь почувствовал себя по ту сторону жизни. Так же радостно кричали дергачи и тысячу, и десять тысяч лет назад, когда еще не было на земле мерзких вонючих и шумных человеческих городов. Не было войн и не было рабов и жестоких насиллий. Я стоял, слушал дергача, и текли по щекам слезы» [2, с. 499]. Здесь явственно подчеркивается контраст между природой и плодами рук человеческих.

Как бы в ответ на размышления и роковые вопросы Достоевского (такова логика литературного развития, литературного процесса) Соколов-Микитов посвящает свое творчество изучению русской почвы, того русского начала, которое заложено в природе и отражается в национальном характере. Одним из ключевых в этом отношении является цикл «На теплой земле», где образ автора становится носителем сердечного тепла, любви к матери-земле, детского ликования и радости. «Русская идея» воплощается у Соколова-Микитова не в политической концептосфере, выражается не публицистическим языком, она раскрывается в жанрово-стилевом русле лирической прозы. Соколов-Микитов трансформирует почвеннические идеи Достоевского, предвосхищая одновременно такие литературные явления XX века, как «тихая лирика» и «деревенская проза».

Высококачественным является у Соколова-Микитова эпитет «русский», который звучит ненавязчиво, естественно и просто: русский лес, русская природа, русские деревни, русские крестьяне, русские печи. Если персонаж Бунина рефлексировал: «...коснулось меня сознание, что я русский и живу в России» («Жизнь Арсеньева»), то рассказчику у Соколова-Микитова не нужно понимать это – он испытывает непосредственное, живое чувство. Вот, например, о рябине сказано: «Есть что-то веселое, радостное, русское в этом деревце, которое всегда и всем улыбается»; о зиме: «Хороши, чисты русские снежные зимы», «Необыкновенны русская зима, яркие зимние дни, лунные светлые ночи!»; о природе в целом: «Наступает особенный торжественный час в русской природе. Как бы до самого неба распахнутся невидимые голубые ворота. Вместе с полой водой покажутся косяки пролетных птиц. От теплого юга до студеного моря, над всей обширной страной, будут слышны их весенние веселые голоса». Эпитет «русский» органически вплетается в ткань повествования и становится доминантой идиостиля писателя.

В данной статье представлен всего лишь один из возможных подходов к теме, которая в последнее время становится все чаще целью обширных, монографических научных исследований [1]. Творчество И. С. Соколова-Микитова действительно остается недооцененным литературоведами, не до конца изученным, его место и значение в русском литературном процессе еще должно уточняться, выявляться. Многие заявки сделаны, но не реализованы вполне. Так, например, требует детального рассмотрения вопрос о влиянии модернизма, и в частности А. М. Ремизова, на прозу И. С. Соколова-Микитова, не выявлены отличия принципов «природоведения» И. С. Соколова-Микитова от творческой манеры К. Паустовского, В. Бианки, М. Пришвина, хотя, казалось бы, их соотнесение стало общим местом. Проблема «духовного реализма» (см.: [11; 12; 13]) как творческого метода И. С. Соколова-Микитова давно ждет серьезного исследователя, и решать эту проблему мимоходом, в одном-двух абзацах, конечно же, нельзя, так же как нельзя принять точку зрения М. М. Дунаева об отсутствии у Соколова-Микитова религиозного чувства и о том, что писатель не имел возможности и потому не смог «дать эпическое осмысление событий в России третьего десятилетия XX века» [6, с. 197]. Рассмотрение творчества таких писателей, как И. С. Соколов-Микитов, в

аспекте метода духовного реализма позволяет сделать вывод: «У ряда писателей главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию» [12, с. 76], и в произведениях И. С. Соколова-Микитова присутствует глубокий смысловой, духовно-нравственный подтекст. Их нельзя толковать рационалистично, понимать буквально.

Авторы новейшей книги о Соколове-Микитове [1] проделали большую работу: попытались, и небезуспешно, дать общую характеристику творческой эволюции И. С. Соколова-Микитова (прежде всего на уровне жанра и стиля), ввели в научный оборот новые интересные материалы и источники, дали оригинальную интерпретацию ряда произведений писателя, расшифровали многие литературные параллели и переклички, прокомментировали интертекстуальный слой. По сути дела, они попытались опровергнуть концепцию М. М. Дунаева об ограниченности и несостоятельности Соколова-Микитова как эпического художника и крупного мыслителя. Однако наследие Соколова-Микитова нуждается в дальнейшем изучении, в том числе в русле почвенничества Достоевского.

Список литературы

1. Василевская Ю. Л., Громова П. С., Косоурова Н. Р. Литературное наследие И. С. Соколова-Микитова: проблемы художественного метода и творческой эволюции: монография. Тверь: Издатель А. Н. Кондратьев, 2017. 259 с.
2. Воспоминания об И. С. Соколове-Микитове. М.: Сов. писатель, 1984. 544 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 14: Братья Карамазовы. Л.: Наука, 1976. 510 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 23: Дневник писателя. Л.: Наука, 1981. 423 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 13: Подросток. Л.: Наука, 1975. 656 с.
6. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. VI. Кн. I. М.: Христианская литература, 2004. 512 с.
7. Лакшин В. Я. «Я сам был Россия...» // Соколов-Микитов И. С. Возвращение. М.: Худож. лит., 2010. С. 714–736.
8. Николаева С. Ю. Тема «оскудения» в русской литературе конца XIX – начала XX века и рассказ Л. Н. Толстого «Зерно с куриное яйцо» // Яснополянский сборник – 2008. Тула: Изд. Дом «Ясная поляна», 2008. С. 145–163.
9. Николаева С. Ю. Чехов и древнерусская культура. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. 168 с.
10. Николаева С. Ю. «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского в творческом сознании А. П. Чехова // Славянская культура в Европе – история, настоящее и будущее: сб. материалов. М.: София: Академия медиаиндустрии, 2015. С. 158–163.
11. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: Новый взгляд. Тверь: ТОКЖИ, 1999. С. 36–82.
12. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
13. Редькин В. А. Поэтическое Верхневолжье: Очерки тверской поэзии XX–XXI веков. Тверь: Волга, 2017. С. 47–54.
14. Соколов-Микитов И. С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Л.: Худож. лит., 1987. 369 с.

**ON THE “HIGHWAY” OF RUSSIAN LITERATURE:
DOSTOEVSKY IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS
OF I. S. SOKOLOV-MIKITOV**

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article raises the question of the significance of the literary heritage of F. M. Dostoevsky, including his novels “Teenager” and “Brothers Karamazov”, as well as “Writer’s Diary”, in the creative self-determination of I. S. Sokolov-Mikitov, identifies biographical and intertextual links between these authors. The conclusion is made about the influence of the philosophy of soil science on the worldview and architectonics of the artistic world of I. S. Sokolov-Mikitov.

Keywords: *F. M. Dostoevsky, I. S. Sokolov-Mikitov, lyrical prose, spiritual realism, philosophy of soil science, “Russian idea”, traditions, pantheism, Christianity, paganism, natural philosophy.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

About the author:

NIKOLAEVA Svetlana Yuryevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.